

ГЛАВА 6.

Мне позвонил Дадли Дэполито и сказал, что скоро собирается посетить Гонконг и Китай. А Соу провела с ним неделю, как было уговорено, и вернулась в Паттайю.

– Угадай, что я подцепил? – спросил он. – Герпес, я подцепил герпес, вот облом.

Он подробно описал мне симптомы своей болезни, а также перечислил процедуры, которые назначили ему в клинике. Потом он добавил:

– Но я не верю, что мог поймать это от Соу. Она говорила, что у нее никогда ничего подобного не бывало. Должно быть, я прихватил это от кого-то еще. Подозреваю еще трех девочек из ее бара. Мне даже совестно, потому что я мог сам заразить герпесом Соу. Когда она уходила, у нее как раз начинался герпес на губах.

– А как насчет СПИДа? Им ты не боишься заразиться?

– Да, конечно. Ты что-нибудь слышала о СПИДе на Патпонге?

– Никто ничего не говорит. Я вообще не думаю, что они слышали о нем. Девочки, которых я встречала, и о презервативе не слышали. И кстати, а ты-то что? Ты приехал из Штатов, там тебе должны были все уши прожужжать о безопасном сексе.

– Да, я знаю об этом. Просто не практикую его, – засмеявшись, ответил он. – Я не знаю почему. В любом случае, перед тем, как я уеду из Таиланда, я вернусь в Паттайю и хочу удостовериться, что Соу пошла лечить свой герпес. Я чувствую себя ответственным за нее.

Как-то раз в А.У.А я и мои одноклассники ждали начала урока. Два парня хихикали, обсуждая секс-бары Патпонга. В одном углу комнаты сидел средних лет преподаватель экономики из Монреаля. У него была постоянная квартира в Бангкоке, где он останавливался несколько раз год. В другой стороне сидел английский брокер по недвижимости лет тридцати. Между ними сидели три женщины – японка, австралийка и я. Мужчины лукаво смотрели друг на друга поверх наших голов.

– Вы когда-либо были в Rose Bar? – театральным шепотом крикнул канадец, проверяя, слушают ли его женщины. Он прикрыл уши японке руками и сказал: «не слушай нас». Оба мужчины оглушительно засмеялись.

– Это – минет-бар, – сказал другой, и они посмеялись еще немного.

– Забудьте леди, что вы слышали об этом.

Той же ночью я решила это проверить. Rose Bar располагался на полпути вниз по улице Патпонг-1. В следующий раз у меня, может, тоже будет, что рассказать этим парням.

Швейцар перед запертой дверью не хотел впускать меня, пока я не объяснила, куда и зачем иду. Поднимаясь по темной узкой лестнице, я задавала себе различные вопросы. Похоже, я стала привыкать к своей работе. В крошечных номерах второго этажа, кажется, было едва больше света, чем на лестнице. Исключением был небольшой освещенный бар и сцена, на которой танцевала девушка с голой грудью. Только один человек сидел там. Встречающая гостей девушка в зеленом платье подвела меня к бару и указала на стул. Приблизительно пятнадцать девочек в купальниках занимали почти все пространство на диване. Две девочки подсели ко мне. Я выбрала одну из них и предложила ей взять что-нибудь из напитков, полная решимости больше ни за кого не платить.

Когда она получила свою колу, то поцеловала меня в щеку. Это было совсем не по-тайски, затем она пожала мне руку. Ее круглое лицо обрамляли длинные черные волосы и лохматая челка.

– Что ты делаешь в Таиланде? – спросила она. – У тебя отпуск?

– Нет, я живу здесь. Ты слышала о школе Empower? Я волонтер, я пришла туда, чтобы стать учителем. Хочу попытаться работать в школе, а там посмотрим, что из этого выйдет.

Она засветилась как солнце.

– EMPOWER! – воскликнула она и снова поцеловала меня. – Я приходишь раньше, чем изучать английский язык. Итан. Ты знаешь Итан? – теперь она обняла меня. – Долгое время, я никак не ходила туда. Одно время Итан приходит сюда. Она говорит: «Дан, почему ты не ходишь в школу? Мы скучаем по тебе». Но у меня нет времени. Начинаю работу в час днем.

Мне стало хорошо от того факта, что Итан приходила сюда. Хотя я и другие женщины-фаранги иногда приезжали на Патпонг, чтобы поискать девушек и даже выкупить их для лесбийского секса, но я сама никогда еще такого в барах не видела. Очень скоро я заподозрила, что Дан сидела на амфетаминах. Она болтала без оста-

новок. То же делала и другая девочка. Они постоянно прерывали друг друга или обе говорили в одно и то же время. Неужели в баре выдавали девушкам спиды? Можно было не спрашивать, они сами рассказали мне, что Дан двадцать три года, и работала она в баре в течение двух лет. Все девочки в баре приехали из глубинки – провинции Удон, что на северо-востоке, и услышали о работе друг от друга. Владельцем бара была женщина и тоже из Удона, она еще владела Kangaroo – баром по соседству. Дан показала «старшую сестру», которая всему ее обучила.

Когда трое мужчин-фарангов поднялись вверх по лестнице, Дан пересадил меня на диван напротив стены. Другая девочка мгновенно обвилась вокруг руки одного из мужчин. Два минета начались. Один мужчина сидел в дальнем углу бара. Встречающая девушка стянула верх своего платья, оголив грудь, и, расстегнув молнию на его штанах, наклонилась, чтобы обхватить губами его член. Ее голова раскачивалась вверх-вниз, а ее рука энергично перемещалась по члену. Мужчина часто смотрел вниз, чтобы наблюдать за нею. Затем он мимоходом осмотрел бар. Девушка работала, не покладая сил, без замедлений и изменения положения в течение семнадцати минут. Я задалась вопросом, не из-за меня ли это было так долго? Или, может, это заняло гораздо меньше времени, если бы он не смущался от моего присутствия. Когда мужчина кончил, она оторвала несколько листов от рулона туалетной бумаги, которой чистила барную стойку. Затем она привычным движением застегнула на себе платье.

В то же самое время на диване обслуживали другого иностранца. Одна девочка стояла на коленях между его ног и отсасывала ему, в то время как другая девочка, стоя на коленях на диване слева от него, подставляла свою грудь к его рту. Когда все закончилось, та девочка, что стояла на полу, убрала все это туалетной бумагой. Я отметила, что было очень много туалетной бумаги, и никаких презервативов. Тем временем подруга Дан сопровождала фаранга, чтобы сесть с другой стороны от нее, на пол, между его ног. Все это происходило на моих глазах, и я была в этом представлении в первом ряду. Дан болтала без умолку, а я смотрела. Мне срочно понадобилось забежать в дамскую комнату, чтобы записать увиденное, но стоящая на коленях девочка преграждала мне путь. После ухода из Rose Bar я зашла к Чу Чу Чарли, чтобы поднять себе настроение.

– Копай здесь спокойно, подруга, – начал он. Но мне было трудно слушать его. Туча негодования клокотала у меня внутри. Что это

было за чувство? Сердилась ли я на всех мужчин? Возможно да, немного. Стыд за девочек? Возможно и это также. Зависть, что подобного рода вещи могут позволить только мужчины? Да, конечно. Что еще? Ликование, что я вошла в этот странный мир. Волнение, что я нарушила границы чисто мужской территории. Обида за то, что в этом мире обслуживалась только мужская сексуальность. И еще более раздосадованной я была от того, что женщины не имели такого же права на сексуальное удовлетворение.

Я недолго постояла рядом с Чарли, а потом также ненадолго посидела в ресторане на свежем воздухе. Я начеркала свои заметки и отправилась домой. Я размышляла о Rose Bar и той свободе, какой в нем пользовались мужчины, потакая своим желанием. В самом деле, я, как одинокая женщина, иностранка, могла бы также удовлетворять свои сексуальные прихоти. Я могла бы прямо сейчас пойти с Джеком в отель и овладеть им. Я могла бы собрать весь возможный букет заболеваний. Когда я подошла к углу, где стоял Джек, то увидела, что он показывает карту западному мужчине с выпирающим животом и в бейсболке Yankees. У Джека же было тонкое сексуальное тело тайца. Вероятнее всего, у него были толпы женщин, тем более что женщины были предметом его торговли. Затем Джек выдернул человека из толпы и прошелся с ним несколько футов по Патпонг-3. Он не заметил меня, когда я прошла мимо.

Вечером следующего дня, я зашла в бар RifiFi, чтобы навестить сексуальную богиню, ту самую, чье фото однажды показала мне Линда. Она снова была одета и снова не работала. Она позволила мне купить ей напиток, хотя в это время она ждала своего парня. Она, казалось, была рада тому, что я пришла, чтобы повидаться с ней. Она рассказала, что ей двадцать один год и она родом с северо-востока. Работает в Бангкоке уже два года. Четыре месяца в RifiFi и полгода в Memphis Queen.

– У меня с собой есть твое фото, – сказала я, доставая его из сумки.

Она нетерпеливо взяла его, и взглянула под желтым светом от рекламы пива Singha. Ее глаза заморгали, а рот скривился. У меня похолодело внутри, поскольку ее горькое выражение лица подсказало мне, что я совершила ужасную ошибку. Конечно, она знала, чья была эта фотография, и ей было обидно, что ее фото забыли в небольшой гостинице. Почему я не подумала об этом заранее?

– От человека из Европы, – сказала она таким голосом, будто ей наплевали в душу.

– Снимок сделан на острове Самуи в прошлом месяце. У него есть подруга в Европе.

Она вернула мне фото так, будто эта чаша радости была вдребезги разбита. Я покинула Rififi с чувством смятения. Как же все неудачно сложилось, как я могла быть такой неадекватной и бесчувственной, какой же из меня, к чертям, социолог? В досаде на себя я поплелась домой. Как я могла не понять, что это причинит ей боль, ведь кто-то оставил подаренное ею фото на стене маленькой заухудалой гостиницы? И этот кто-то, о ком она очевидно беспокоилась. Ну надо же быть таким легкомысленным человеком как я.

Джека не было на своем привычном месте, и я была рада этому. Внутри меня зияла пустота, и в тот момент мне было не до общения.

На другом краю мира, по британскому телевидению показали документальный фильм о проституции в Таиланде, который назывался «Инородные тела». Там изобразили страну как международный бордель. Новости, показанные в фильме, шокировали Таиланд, так как его политика состояла в том, чтобы скрыть или приуменьшить размеры этой индустрии, на которую опиралась большая часть внешних поступлений. Вдобавок ко всему, Купер и Портеус, создатели фильма, солгали тайскому правительству, сказав, что они интересовались исключительно беженцами из Индокитая, а не проститутками в порту Паттайи.

Однажды вечером «Клуб иностранных корреспондентов» запланировал показ фильма, который должен был сопровождаться группой тайских чиновников, обсуждающих последствия такого закулисного репортажа на репутацию тайского народа.

Один из моих соседей, журналист, пригласил меня на это мероприятие.

– Вам это тоже будет интересно, – сказал он, говоря это в шутку, обращая внимание на мой неофициальный статус. Он знал, что тайское правительство отказало мне в разрешении изучить проституцию.

«Клуб Иностранных корреспондентов» занял верхний этаж люксового отеля Dusit Thani. Три стены представляли собой огромные окна от пола до потолка, из которых открывался потрясающий вид на Бангкок: парк Lumpini простирался вниз, а целые мили авеню и улиц слева и справа были подсвечены красным светом, что говорило об обычной пробке.

Журналисты, которые пришли на показ, рассматривали вечер как развлечение. Они одобряли секс-индустрию, также как и все.

Реальная действительность была в том, что Патпонг находился всего в нескольких кварталах отсюда, и, вероятнее всего, конец вечера они проведут там. А как они смачно уминали всю эту превосходную еду, все те, кто жил в этой стране третьего мира и получал свои международные зарплаты. Все они собрались сегодня на открытие фильма о тайской девочке, жившей в обедневшей семье, которая продала ее в бордель в возрасте тринадцати лет. Продажа дочерей была всем знакомой историей. Хотя большинство проституток, которые работали с туристами, пришли в бизнес по их собственному желанию, газеты часто сообщали о несовершеннолетних девушках, которых заперли в публичных домах и заставили обслуживать местную клиентуру, тайских и китайских клиентов. Китайцы особенно верили, что секс с девственницей продлевает им жизнь. Создатель фильма объяснил, что буддисты невысокого мнения о женщинах, на что все мужчины-фаранги рассмеялись. Рассказчик отметил так же, что, если женщины ведут безупречную жизнь и очень удачливы, то они могут родиться в следующей жизни мужчиной. Корреспонденты и журналисты смеялись по ходу всего фильма.

По большей части документальный фильм весьма точно изобразил секс-туризм Таиланда. Целью фильма было искоренение такого потребительского отношения к женщинам Таиланда. Колоритная музыка и двигающиеся, наполовину обнаженные тела оживляли суховатые отрывки фильма со статистикой венерических заболеваний и полицейской коррупции. Заявлялось напрямую, что правительство подавляет истинную картину о СПИДе из страха причинения вреда туристическому бизнесу. Журналисты в аудитории уже знали, что задавать слишком много вопросов о СПИДе могло повлечь потерю их рабочих виз. В Таиланде СПИД был запретной темой для прессы. Что касается простого населения, все считали, что в их стране эта болезнь не является проблемой.

Хотя я ни разу не слышала о случаях СПИДа на Патпонге, я задалась вопросом, не мог ли он проложить свой путь в барах через мужчин-фарангов. Тогда он мог распространиться на тайцев на улицах. Джек сказал, что никогда не увлекался женщинами с Патпонга, но мне было трудно поверить в то, что он мог отказаться от изысканных красавиц. А вдруг в один прекрасный день мой обожаемый тайский друг будет обречен на смерть от СПИДа? Многие кадры фильма были сняты в Паттайе, где проституция была самым смыслом всего курорта вместе с его портом. Мое внимание в этой

съемке привлекло интервью, которое дал владелец бара по имени Том. Он сказал, что западные мужчины пожилого возраста, «кряжистые и никем не любимые», они плевать хотели на возвращение домой. Они приехали в Таиланд с «добрыми сердцами», и их ценили местные женщины. Я решила встретиться с Томом и взять интервью у него самого.

Два часа езды на общественном автобусе, южнее от Бангкока – и я в Паттайе. Дорога пролегла вдоль береговой линии мимо сплошной линии баров, где даже днем было полным-полно полураздетых тайских женщин. Все три улицы располагались вдоль линии пляжа, и все учреждения обслуживали туристов: маленькие гостиницы, пиццерии, сувенирные магазины и бесчисленные питейные заведения – таверны, пабы, коктейль-бары и салоны. Я остановилась в небольшой гостинице, и отправилась разыскивать Тома. Название его бара в фильме не сказали, но он был известным человеком в своем кругу, многие видели пиратскую копию фильма «Инородные тела». В первом же баре мне дали нужное направление – бар Wild Elephant. Несмотря на давку туристов на улицах, в Паттайе было не так уж много иностранных сообществ. Иностранцы, владельцы баров, знали друг друга. Немцы встречались, чтобы поесть шницель; австралийцы – чтобы посмотреть австралийский футбол; британцы – чтобы посмотреть игру в регби. Многие англоговорящие ходили в бар Тома Wild Elephant, чтобы посмотреть новости CNN из Гонконга.

Пройдя под вывеской, висящей над тротуаром, я узнала Тома по его лысине и волосатым рукам, которые видела в фильме. Я подошла к нему и рассказала о своем проекте и фильме, в котором видела его.

Неожиданно в его глазах я увидела вспышку ярости. Он заорал на меня громким голосом:

– ОНИ ИСПОЛЬЗОВАЛИ МЕНЯ! ОНИ СКАЗАЛИ, ЧТО СНИМАЛИ ТАИЛАНД, НО ОНИ ИНТЕРЕСОВАЛИСЬ ТОЛЬКО ГРЯЗЬЮ!

Головы людей повернулись ко мне, в том числе и поклонники Тома, чтобы посмотреть, на кого он кричал. Какой-то человек, собравшийся ударить по бильярдному шару, остановился и выпрямился, чтобы лучше рассмотреть, что происходит.

– ЭТОТ ФИЛЬМ НАСТОЯЩАЯ СЕНСАЦИЯ. Я СОБРАЛ ЦЕЛЮЮ КОМАНДУ, КОТОРАЯ НОСИЛАСЬ С НИМИ, Я ПОКАЗАЛ ИМ ВЕСЬ ГОРОД КАК ЕСТЬ, А ОНИ ВСЕ ЭТО ВЫРЕЗАЛИ ИЗ ФИЛЬМА! ВСЕ, ЧТО ОНИ ХОТЕЛИ, ЭТО ТОЛЬКО МЯСО И ТЕЛА!

После длинной тирады Том ушел прочь, оставив меня в компании своего вьетнамского друга-ветеринара, который присоединился к столу, чтобы наблюдать за шумихой. Я оплатила свой счет и уехала, как только посетители Wild Elephant прекратили глазеть на меня.

Перед тем, как следующим утром уехать обратно в Бангкок, я поговорила и с другими фарангами в Паттайе о фильме «Инородные тела». Они были возмущены тем, что было показано. Гетеросексуалы выразили свое недовольство по обвинению их в гомосексуализме. Все как один, они вставали на сторону проституток. Один из таких верных сторонников проституции даже распространял футболки с названием его бара. На них был изображен полностью одетый фаранг в шляпе, а возле его руки порхала смуглая обнаженная девушка. «Паттайя, Таиланд», – подписано было ниже.

Никто из фарангов не был рад меня видеть. Более того, они заставляли меня чувствовать себя какой-то злодейкой.

– Тебе нравится жить в Таиланде? – спросил один с насмешкой. – Это не место для приличной белой девочки. Путешествие сюда, это уж слишком... Но ты понимаешь меня? – сарказм из него так и сочился. – Я видел, как сюда приезжают молодожены, и все заканчивается тем, что жена летит домой одна-одинешенька. Ха-ха-ха.

Вернувшись в Бангкок, я снова встретила Джека, и он очень тепло приветствовал меня.

– Я скучал по тебе, – сказал он. – Все получилось? Тебя не было два дня.

Я решила продолжить ночное патрулирование на Патпонге. Мне нужно было туда попасть до того, как там появятся толпы мужчин. В общем, я сообразила, что если приходиться к открытию, то девочки радуются, что я покупаю им выпивку, а к моменту, когда начнут приходиться настоящие клиенты, я с ними уже закончу.

С каждой я проводила десять-пятнадцать минут. Если дольше, то они начинали откровенно скучать.

Всякий раз, когда я появлялась на Патпонг-3, я искала глазами Джека. Иногда я видела как он, будто сканируя толпу, высматривает клиентов. А иной раз я видела, как он цепляется за клиента, стараясь продать ему свои услуги, давя на него и вставая поперек дороги. Большая часть фарангов смотрели на него с отвращением, игнорировали или просили его отвалить. Это происходило довольно часто, и лицо Джека заметно грустнело. Но когда он встречался со мной глазами, его черты смягчались, и наружу вырывалась приятная улыбка. Оох!

Иногда мы пили с ним кофе, но порой он не мог себе это позволить, не хватало либо денег, либо времени.

– Я не могу сейчас взять перерыв, – говорил он, или: – Уже поздно, и у меня нет денег, чтобы отдать их моей матери.

– Ты помогаешь своей бывшей жене деньгами? – однажды спросила я.

Он заколебался секунду, затем сказал «нет». Я знала, что это ложь, но не хотела смущать его, напоминая о бывшей жене. Я сказала себе, что мне до этого не должно быть никакого дела.

Иногда, правда, меня беспокоило, что я слишком сильно забочусь и думаю о нем. Пробовал ли он женщин, которых сам продавал? Они, как и я, наверняка также считали его привлекательным. Я спрашивала себя, почему он разошелся с женой, если их ребенку был всего год. Я слышала истории и видела ТВ-шоу, в которых показывали, как жены рожают детей, в то время как их тайские мужья уезжают, чтобы найти себе новую жену. Почему я не рассматривала Джека как типичного тайца, который делал жизнь женщин сущим адом? Почему я оправдываю его призвание? По-моему, он слишком сильно нравился мне. Я планировала свой день так, чтобы чаще видеться с ним, и если мы не виделись, мне было не по себе.

Стоило признать, что мои чувства к нему были не столь объективны, как бы мне этого хотелось. Он просто был для меня ярким пятном на Патпонге, радужным островком в море акул и крокодилов.

Однажды вечером мне был странный звонок, молодой человек назвался Алексом. Он прочитал мое объявление, в котором я спрашивала об историях про женщин Патпонга. Он уже четыре месяца жил с девушкой, которую встретил в баре на Патпонге, казалось, он был в отчаянии и хотел поговорить о ней. Мы договорились встретиться с ним в кафе Dusit Thani на следующий день.

22-летний Алекс был родом из Бельгии. У него были светлые волосы, спокойный, тихий голос, забавное чувство юмора и прекрасные манеры. Его английский был безупречен, с очаровательными французскими нотками. В веселых карих глазах светился ум. Он был просто великолепен. Алекс отказался от завтрака, который я предложила ему заказать, и мы взяли по чашечке кофе. Он начал рассказывать о своих четырех месяцах, проведенных с Хой.

– Я встретил ее в баре Zoo на Патпонге-1, на мой второй день пребывания в Бангкоке. Я спросил ее, сможет ли она сопровождать меня в горы, в Чиангмай, на севере. На следующий день она согла-

силась. Сначала у нас не было секса. Я пригласил ее поехать со мной только как гид или переводчица. Когда она попросила деньги, я был уверен, что она смущена, потому что мы не спали вместе.

– Она действительно просила у тебя деньги?

– Ну конечно, – сказал Алекс нараспев с нотками юмора.

– В конце концов, мы действительно занимались любовью, но только тогда, когда она хотела. Мы остановились в Чиангмае на неделю, а затем Хой сказала, что она не хочет возвращаться на работу, и мы поехали навестить ее семью в Убон. Мы жили в глубинке целый месяц с ее отцом и его подругой.

– Вы когда-нибудь были в Исан? – спросил Алекс, подняв брови.

Исан – так называлось место в северо-восточной части страны, в самом бедном районе Таиланда. Многие женщины приезжали на Патпонг именно оттуда.

– Это еще не все... Как они живут, это просто ужас какой-то. Там вообще ничего не растет, и дождей там нет. У них нет никакой работы. Ее отец постоянно пил и играл на деньги. Все они курят ма-рихуану. Хой вместе с отцом и полицейским курили траву, я сам это видел.

– Как ее отец относился к вам?

– Вся семья ожидала, что я буду давать им денег. Отец Хой постоянно дергал ее, чтобы она брала у меня деньги. Ее брат приехал в город только для этого, и тоже просил. Также подключилась и ее сестра. Но на сей раз я сказал нет. Вместо этого я предложил ей взять их у меня взаймы. С моими деньгами она стала покупать вещи на лаосской границе и продавать их у себя.

– И что, она поднялась на этом?

– Да, конечно. У них каждый четверг работает рынок. Она получила неплохую прибыль. Видите ли, это далеко не безнадежные люди, если показать им, как и что делать. Они могут добиться успеха, если их правильно направить.

Алекс, казалось, был горд продемонстрировать свои подвиги в таком капиталистическом ноу-хау.

– И что было потом, когда ты и Хой вернулись в Бангкок?

– Я должен был заплатить бару за то время, которое она провела со мной, но я не сделал этого, потому что они обманули ее. Когда она забирала свои 3 000 батов, они дали ей деньги десятибатовыми банкнотами, зная, что она не умеет считать. В баре я сказал, что мне надо пойти в банк и пообещал быстро вернуться. Но я уже не вернулся.

– И вы живете вместе с тех пор?

– Да, но мы не совсем пара. Я не был бы с нею, если бы мы жили в Бельгии. Иногда это все мне кажется каким-то кошмаром. Она ужасно невежлива. Она тратит все мои деньги. Иногда она забавная и веселая, но иногда она бывает злая. Она ленива. Она плохо говорит о тайцах. Мои тайские друзья всякий раз неодобрительно смотрят, когда она открывает рот.

– Возможно, вы сможете повлиять на нее в положительном плане.

– Я пытаюсь учить ее манерам. А однажды я пригласил частного учителя, но Хой была груба и ленива, и у него ничего не вышло. Она просто не хочет учиться. Я покупал книги, чтобы учить ее английскому языку, а также пытался учить ее математике. Но ей лень, – сказал Алекс и улыбнулся.

– А однажды, когда я увлекательно рассказывал ей, что Земля круглая и вращается вокруг Солнца, она сказала, что я слишком много говорю. Иногда она читает тайские детские книжки. Она думает как дитя. Ее поступки и реакции – как у испорченного ребенка.

– Но вы ладите?

– Мы все время спорим. Обо всем. Если бы она была моей подругой в Бельгии, я избавился бы от нее за неделю. Но после того как я услышал историю ее жизни, я решил, что не могу просто так бросить ее. Сейчас для нее будет слишком болезненно, если она вернется на Патпонг. И она этого не хочет.

Алекс отвел глаза, а потом добавил:

– По правде говоря, на своей работе ей было не так уж и плохо. Она часто угрожает, что вернется туда. А на самом деле она этого вовсе не хочет, просто угрожает, когда хочет получить что-то. Она постоянно курит марихуану, столько, сколько может достать. И ест все время, я боюсь за ее будущее, ее может раздуть как воздушный шар. Когда я встретил ее, она была очень худенькой.

– Она вам готовит? – спросила я.

Эти маленькие очаровательные тайские женщины, большая их часть, готовы были сделать все для своих западных мужчин. Их невозможно было увидеть в бездействии, они готовили, убирали и угождали всем мужским потребностям. Я начинала подозревать, что, таким образом, наглые девушки притворялись до тех пор, пока не добивались своей цели.

– Когда мы начинали жить вместе, мы договорились разделять работу пополам. Но я в итоге делаю большую часть работы, в том числе и за нее. Она неопрятна и ленива в этом вопросе тоже. Если

она что-то сделает один раз, то потом четыре дня ни к чему не прикасается. Иногда она готовит, иногда я, но чаще всего она просто покупает готовую еду. Она покупает еду и ее не волнует, нравится она мне или нет.

– Она поддерживает своего отца?

– Да, она посылает ему столько, сколько может, может, тысячу батов в месяц, если есть. Я даю ей свои деньги. За эти четыре месяца, что мы провели вместе, я потратил 6 800 долларов, и у меня в запасе осталось только 400. Я не знаю, что мне делать, когда все это закончится.

– Но тебе она нравится? Ты ее любишь?

– Мне плохо рядом с ней. Люди среднего класса в Бангкоке смотрят на проституток свысока, как на самый низший класс населения. Тайцам достаточно одного взгляда на Хой, чтобы понять, кто перед ними, и это даже при том, что она больше не одевается как шлюха. Хой не нравится появляться со мной на публике, потому что она чувствует, что люди смотрят на нее как на проститутку рядом с европейцем. Когда они видят ее смуглую кожу, они знают, что она из Исан, и еще больше ее презирают.

Когда мы покинули кафе, Алекс заявил о своем твердом намерении навсегда остаться с Хой.

– Я хочу дать ей счастливое будущее. Я обещал ей, что никогда не оставлю ее и что она никогда не вернется на Патпонг.

– Сколько времени вы планируете оставаться в Таиланде?

Алекс покосился на меня, забавно скривившись, и сказал:

– На самом деле я приехал в Таиланд на пару неделек. А когда я встретился с Хой, то сдал свой обратный билет. Месяц спустя я получил деньги, которые мои родители подарили мне за то, что я стал выпускником университета. На эти деньги мне нужно было купить автомобиль Хонда, но вместо него у меня теперь есть Хой.

Я смеялась, это была очень знакомая история – многие отдыхающие в Таиланде оставались здесь на неопределенное время. Он спросил, не хотела бы я навестить их как-нибудь.

– С огромным удовольствием! – ответила я.

Хой и Алекс жили в квартире на первом этаже на канале в бангкокском пригороде. Так как ехать туда было далеко, а такси туда стоило дорого, я поехала туда на тук-туке – рикше на открытом трехколесном мопеде. Поездка с сумасшедшим водителем тук-тука вызывала настоящий ужас у туристов, но я к этому уже давно привыкла. Маленькое транспортное средство было дешевым и самым

быстрым способом пронестись сквозь все пробки переполненного Бангкока. Когда я приехала, Алекс сидел во внутреннем дворике и читал. Мы вошли в гостиную и увидели Хой спящей на полу. После того, как Алекс рассказал мне о ее гастрономических пристрастиях, я ожидала увидеть гиппопотама. Всего на дюйм или два ниже чем я, она, кажется, весила не больше 55 кило. Она была красивой и здоровой, ростом с фаранга, а не крошечная, как большинство таек, у нее были большие глаза и длинные волнистые волосы. Алекс сделал кофе, затем оставил нас, чтобы сбегать купить печенья для Хой, и чтобы я могла побыть с ней наедине. Она рассказала о своем родном городе и предложила взять меня туда с собой.

– Отлично! Когда?

– Завтра, – предложила она.

– Ухты! Как насчет нескольких дней?

Мне она понравилась мгновенно, намного больше, чем Тик, Понг из бара-мошенника, Нок из Queen's Castle, или Дан из Rose. Хой рассмешила меня. До бара Zoo она сначала работала в баре Rififi. Она вспоминала его с такими нотками в голосе, будто ей было приятно о нем вспоминать. Она рассказала мне о подруге, с которой провела три месяца в Швеции вместе со шведским парнем.

– Моя подруга снова приезжает в Бангкок. Она хочет вернуться в бар Rififi. Ей нравится на Патпонге больше, чем в Швеции.

Когда Алекс вернулся, Хой подскочила к нему, чтобы слопать печенье. Я сказала ему, что она пригласила меня в свою деревню.

– Я бы хотел найти для Хой работу, – сказал он.

– Что вы думаете о работе туристического гида, который бы возил людей в Убон?

Я сказала ему, что посмотрим, что из этого выйдет, и дам ему знать.

Поездка в Убон была как нельзя кстати. Это был лучший способ оторвать себя от улиц Патпонга хотя бы на несколько дней. Я нуждалась в отдыхе. Патпонг заполнил всю мою жизнь, а Джек стал какой-то особенной его составляющей. Смена обстановки помогла бы увидеть мне некоторые вещи в истинном свете. Если бы я расширила свою перспективу на весь мир, то, может, Джек перестал бы для меня столько значить.